

Старик

Старик сидел у окна и молча, словно видел это первый и последний раз, смотрел, как уходит солнце. Оно было не большое не маленькое, как раз по земле.

Солнце уходило неохотно, словно хотело еще остаться в этом дне, но старик знал, что оно уйдет. Старик давно уж понял, что на свете всему, кроме солнца, неба и земли, приходит конец, последний час, как пришел он для его сына там, на фронте, как пришел к его старухе, а теперь терпеливо ждет его.

«Солнце не человек,—подумал старик.— Оно уйдет и вернется, даже если я умру».

О смерти старик думал без страха. То ли читал где, то ли жизнь подсказала, но смерть он представлял как сон без сновидений.

«Если я усну и проснусь — значит это был сон,— думал он.— А если нет — то смерть. Но об этом сам я никогда не узнаю, потому как только живые знают, что на земле существует смерть».

А солнце все уходило. И вот уже виден только отсвет его. Но еще розовеют разбросанные по черному словно деготь полю лоскутки снега, еще видны лужи на дороге, которая, торопливо вырвавшись из деревни и разрезая надвое поле, исчезала в лесу.

Старик поднял глаза. За окном, на самом кончике сосульки, робко проклюнулась бледно-розовая капля. Нетерпеливо набухая, она подрагивала, словно боясь, что не успеет сорваться, затем промелькнула мимо окна теплой капелькой света и, звонко чмокнув у завалины, поставила точку долготе дня.

Старик смотрел, ждал — может, появится еще одна, но остро отточенное теплом дня острие сосульки холодно поблескивало, серело, сливалось с небом. «Видать, последние крохи тепла собрал для нее день»,— подумал старик.

При мысли о тепле ему вдруг стало холодно. После смерти жены старик никак не мог согреться, хотя и одевался тепло, и печь топил по нескольку раз в день, а потом понял. Понял, что ничто на земле не вернет ему того тепла, которое и не хотела, да унесла с собой его старуха... Старик поежился, втянул голову в плечи, застыл.

Дорога слилась с полем. В небе над лесом появились первые звезды. В избах неспешно, один за одним, гасли огни.

Старик любил смотреть, как засыпает деревня. В избе стало темно, лишь никелированная спинка кровати, стоявшей в спальне у окна, тускло поблескивала. И там, в темноте, устало и равнодушно тикали ходики, а под печкой, замирая, тихохонько скреблась мышь. И старику вдруг показалось, что на стене тикают те самые часы, которые он купил когда-то со своей большой полочки, хотя он знал, что те часы, бережно завернутые старухой в ненужную ей тряпицу, он сам давным-давно

отнес на чердак. Показалось, что и мышь под печкой скребется все та же, что поселилась в новой, им срубленной избе много лет назад. Показалось вдруг, что все настоящее — лишь только сон, что не было войны и что сидит он сейчас и ждет с работы жену, что вот сейчас, сейчас послышатся во дворе, затем в сенях ее легкие быстрые шаги, обовьют его шею мягкие теплые руки, защекочут лицо ее пушистые волосы и он услышит вздрагивающий от счастья, от боязни разбудить набежавшегося за день сына шепот: «А вот и я! Заждался?»

Старик невольно прислушался, но кроме тиканья часов да царапанья мыши под печкой ничего не услышал и почувствовал, как больно сжалось сердце. И была это такая боль, что ему захотелось не закричать — нет, заголосить, да так, как голосила его жена в тот холодный летний вечер, когда принесли похоронку... Но старик не закричал, не заголосил, слез у него не было, потому что выплакал он их тайком от людей, когда принесли похоронку, когда умерла жена. Он просто вздохнул. Вздохнул так, как вздыхают старые люди о дорогом безвозвратно ушедшем.

Старик долго не шевелясь смотрел в наполненную тишиной и темнотой избу, затем, У тяжело опираясь обеими руками о подоконник, поднялся и, с трудом передвигая плохо гнущиеся ноги, прошел в спальню, сел на кровать, лицом к окну.

В это окно смотрели другие звезды. Их было много, и, голубые, они были красивы на черном небе. Глядя на них, старик вспомнил, что в молодости, и тоже как-то по весне, тесно прижавшись друг к другу, сидели они с женой и смотрели в это окно на эти звезды. Вспомнил, что тогда в избе пахло свежей сосной и им было хорошо. Хорошо от того, что на свете были они, была любовь, были люди и звезды. А потом на звезды смотрел их сын, и там, среди звезд, он отыскал самое красивое, как говорил он, на всем небе созвездие «Волосы Вероники».

- «Оно и сейчас еще там,— подумал старик.— А сына нет».

Долго сидел он так, бережно вспоминая ушедшее.

«И чего сижу?— неожиданно спросил он у самого себя.— Чего жду?— и даже оглянулся.— Ждать-то мне чего? Один я...»

И вдруг понял, ясно, отчетливо понял, что ждет возвращения солнца. Ждет привычно, с нетерпением, как ждал всегда...

На востоке, над лесом, нежно заалело небо. И в этой нежности растаяли колючие звезды. Медленным, неудержимым половодьем разлилась над землей утренняя зорька, стирая с неба и с земли остатки ночи. И появилось солнце.

Старик жадно уловил всем своим телом, соскучившимся за ночь по солнечному теплу, его первый, пока чуть теплый луч.

«Печь истопить надобно»,— подумал старик с привычной заботой и совсем даже не

помышляя о смерти, о том, что жизнь прошла...

Во дворе было прохладно и хорошо пахло талым снегом. Рассыпанные кое-где лужицы были прихвачены тонким ледком и мягко похрустывали под ногами. У поленницы старик остановился, глубоко вздохнул и почувствовал, как сладко закружилась голова. Поленья скользили и падали, и он несколько раз наклонялся, чтоб поднять их.

«Избу бы надо подлатать»,— деловито думал он, сидя за чашкой чая и слушая, как потрескивают дрова в печи.

Прошедшая ночь уже казалась ему сном, который то ли был, то ли не был.